DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.004
УДК 94(571.122)"1940/1960":338.4
ББК 63.3(2Рос-6Хан)63–2

Н.Н. РАШЕВСКАЯ **РОЛЬ ВЕДОМСТВЕННОСТИ
В ФОРМИРОВАНИИ ПОВСЕДНЕВНЫХ
ПРАКТИК РАБОЧИХ
ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ 1940-Х – 1960-Е ГОДЫ**

N.N. RASHEVSKAYA **THE ROLE OF NARROW INSTITUTIONAL
INTERESTS IN THE FORMATION
OF THE DAILY PRACTICES OF THE WORKERS
OF THE KHANTY-MANSIYSK NATIONAL
DISTRICT IN THE SECOND HALF
OF THE 1940–1960 YEARS**

*Результаты исследования были получены в рамках выполнения
гранта Российского научного фонда, проект № 20-78-10010
«Ведомственность как фактор в истории освоения Российского Севера (1930-1980-е гг.):
регионализм, конфликты интересов, институциональные структуры
и идентификационные стратегии».*

Статья посвящена исследованию влияния ведомственности на повседневные практики рабочих лесной и рыбной промышленности Ханты-Мансийского национального округа во второй половине 1940-х — 1960-е годы. В статье на основе широкого круга источников анализируются повседневные практики, связанные с трудовой деятельностью, пути приспособления рабочих к условиям ведомственного предприятия, каждодневные действия вне трудового времени, но формируемые ведомственностью, а также реакции людей на события производственной и бытовой повседневности. Автор пришел к выводу, что ведомственность как реальность централизованного хозяйства оказывала определяющее влияние на формирование многообразных повседневных практик советских рабочих.

The article is devoted to the study of the influence of departmental structure on the daily practices of workers in the forestry and fishing industry of the Khanty-Mansiysk National Okrug in the second half of the 1940s — 1960s. On the basis of a wide range of sources the article analyzes everyday practices related to labor activity, ways of adapting workers to the conditions of a departmental enterprise, everyday actions outside of working hours, but formed by the departmental, as well as people's reactions to the events of industrial and everyday life. The author came to conclusion that the departmental system as a reality of centralized economy had a decisive influence on the formation of diverse everyday practices of Soviet workers.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Ведомственность, повседневные практики, повседневность, рабочие, Ханты-Мансийский округ, лесная промышленность, рыбная промышленность.

KEY WORDS: Narrow institutional interests, everyday practices, everyday life, workers, Khanty-Mansiysk district, forestry industry, fishing industry.

ВВЕДЕНИЕ. Изучение повседневности отдельных социальных групп предполагает широкое исследовательское поле. В историографии не существует единого подхода к определению сущности повседневности. В мировой науке продолжают бесконфликтно сосуществовать два понимания истории повседневности: как прием реализации методики микроисторического анализа и как реконструкция ментального макроконтекста событийной истории [26, С. 10].

Взгляды исследователей на содержание повседневности сходятся в том, что мир повседневности является частью жизненного процесса личности, включающего в себя рутиннообразные, повторяющиеся жизненные явления и связанные с ними условия воспроизводства ее жизнедеятельности [25, С. 14]. В отечественной историографии накоплен значительный пласт работ, освещающих различные аспекты повседневной жизни людей в разные исторические периоды. В своих описаниях исследователи обычно уделяют внимание особенностям быта, организации трудового процесса, условиям труда рабочих, взаимодействиям внутри производственных групп, дисциплине на рабочем месте и т.д. В то же время в историографии отсутствуют специальные исследования, посвященные изучению повседневности с точки зрения ведомственной проблематики. Советский человек являлся неотъемлемой частью трудового коллектива, и это определяло его жизнедеятельность, поэтому ведомственная принадлежность предприятий предопределяла практики повседневности на локальном уровне производственно-экономических отношений в провинциальных населенных пунктах Севера.

ЦЕЛЬ СТАТЬИ — анализ влияния ведомственности на формирование повседневных практик рабочих лесной и рыбной промышленности Ханты-Мансийского национального округа во второй половине 1940-х — 1960-е годы.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Источниками для реализации поставленной цели послужили фонды региональных архивов — Государственного архива Югры, Государственного архива социально-политической истории Тюменской области, материалы периодической печати — Сталинская трибуна и Ленинская правда, а также опубликованные воспоминания жителей округа, работавших в рыбной и лесной промышленности.

В основу исследования положены теории повседневных практик А. Людке и М. Серто, на основе которых предпринята попытка реконструировать повседневные практики рабочих с учетом влияния ведомственности как фактора, организовывавшего определенную среду, влияющую на формирование способов восприятия повседневного существования.

В исследованиях А. Людке под «практикой» понимается такое поведение, посредством которого люди осваиваются с условиями своей жизни (выживания) [23, С. 58], по мнению ученого практика, предполагает многообразие и противоречивость феноменов. Для М. Серто «повседневность как поле постоянной борьбы пользователей или потребителей схем, навязанных властью, за превращение этого пространства в свое. Повседневные практики представляют собой использование или потребление той продукции, которая навязывается властью или господствующим порядком. Во время этих практик возникают процедуры повседневной изобретательности» [27, С. 44].

В историографии отсутствует концептуальное понимание понятия «ведомственность», поэтому мы рассматриваем ведомственность как форму идентификации экономических предприятий, проявляющуюся в процессе хозяйственной и социокультурной деятельности посредством формирования и отстаивания собственных социально-экономических интересов и экстенсификации организационного пространства [28, С. 149].

По мнению А. Людке, для реконструкции повседневных практик лучше всего брать конкретные микрообъекты, так как именно в малых социумах естественным образом происходит «пересечение дискурсов власти и подчинения, находят свое конкретное преломление и отражение, господствующие политические, экономические, этнонациональные и иные тенденции» [23, С. 22-23].

В нашем исследовании в качестве малых социумов выбраны крупные предприятия округа в исследуемый период: Самаровский рыбоконсервный комбинат, Сургутский рыбоконсервный завод, Ханты-Мансийский и Сургутский леспромхозы.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Послевоенный период стал для округа временем трансформации и больших перемен, связанных с началом преобразования из отсталого края в промышленно развитый регион. Во второй половине 1940-х — первой половине 1950-х гг. перспективное развитие округа связывалось с освоением лесных и рыбных богатств, а со второй половины 1950-х гг. — нефтяной отрасли.

Рыбный и лесной промыслы являлись традиционными отраслями хозяйства изучаемой территории. Первые рыбозаводы на территории округа начали функционировать с 1930-х годов. В исследуемый период в округе действовало несколько рыбопромышленных предприятий, занимавшихся обработкой рыбы — Березовский, Микояновский, Усть-Иртышский, Сытоминский, Нижне-Вартовский, Нахрачинский рыбозаводы, производством консервов — Самаровский консервный комбинат и Сургутский рыбоконсервный завод. Деятельность предприятий распространялась на 38 рыбоучастков и 247 рыбоприемных пункта [10, Л. 7]. Сырьем рыбозаводы обеспечивали колхозы, рыбоартели и сельскохозяйственные артели.

Предприятия рыбной промышленности округа с 1943 г. находились в ведении Ханты-Мансийского государственного рыбопромышленного треста Главсибрыбпрома Народного комиссариата рыбной промышленности СССР. В 1947 г. трест вошел в Объ-Иртышский госрыбтрест Министерства рыбной промышленности СССР, а с 1951 г. — вновь стал самостоятельной единицей. С 1957 г. рыбопромышленные учреждения округа находились в подчинении управления рыбной промышленности Тюменского совнархоза, с 1968 г. — Сибирского управления рыбной промышленности (Сибупрыбпром).

С 1931 г. в округе начали создаваться лесозаготовительные предприятия: Ханты-Мансийское, Сургутское, Березовское, ведущие работу в лесах государственного значения. В 1933 г. был организован Кондинский лесопромышленный комбинат, в 1959 г. в округе функционировало 5 леспромхозов, в 1962 гг. появилось три новых леспромхоза — Пионерский, Комсомольский и Сосновский, в 1963 г. количество предприятий увеличилось до 12. Предприятия лесной отрасли с 1944 г. находились под контролем треста «Тюменьлес» Главсиблеса Наркомлеса СССР, с 1953 г. — треста «Ханты-Мансийсклес», созданного по инициативе окружного комитета КПСС. После упразднения Министерства лесной промышленности СССР предприятия округа перешли в ведение управления лесной и деревообрабатывающей промышленности Тюменского совнархоза, а в последующем Средне-Уральского совнархоза (1962-1965 гг.), в который входила огромная территория, включавшая промышленно развитый район Среднего Урала, Тюмень и районы нового освоения Тюменского Севера.

Таким образом, рыбная и лесная промышленность начали развиваться в округе с 1930-х гг., продолжая оставаться важными отраслями производства в исследуемый период. До реформы 1957 г. предприятия находились в ведении различных ведомств, которые то — объединялись, то — разукрупнялись с ведомствами соседних территорий. Тюменский и Средне-Уральский совнархозы, контролируя огромную территорию, не могли обеспечить главное требование — приближение управления к производству и создание эффективной системы управления.

О коллективах

Советские предприятия представляли собой уникальный микро-мир, который с одной стороны был подчинен строгим правилам и ограничениям, связанным с монотонным выполнением определенных операций; с другой стороны отличался значительным наличием разнообразных вариаций в действиях и поступках. За годы войны состав коллективов предприятий рыбной промышленности стал очень разнообразным, большинство квалифициро-

ванных рабочих ушло с производства на фронт. Поэтому большую часть рабочих кадров составляли подростки и женщины. На предприятиях рыбной отрасли особенно не хватало слесарей и механиков. Поэтому рабочие данных профессий вынуждены были работать еще более напряженно, нередко совмещая несколько должностей. Так, на Самаровском рыбоконсервном комбинате слесарям приходилось работать в цехах по 11 и более часов без выходных [13, Л. 14].

Преимущественно дефицит кадров ощущалась в пик сезона — сентябре и октябре, когда одновременно требовалось производить выпуск продукции и отгружать ее. Во время интенсивной работы по разгрузке и погрузке рыботоров приходилось прерывать работу отдельных цехов, даже консервного, чтобы собрать необходимое количество рабочих.

В такие периоды Самаровскому комбинату не хватало до 100–150 работников. Поэтому частью производственной повседневности рабочих являлись постоянные переброски с одного производственного процесса на другой, что вынуждало тружеников уметь выполнять различные виды работ, например, зимой рабочих привлекали на лесозаготовки [7, Л. 18].

Особенность организации лесозаготовок в послевоенные годы была связана с тем, что на большинстве участков отсутствовали кадровые рабочие, а основная масса работ выполнялась сезонной рабочей силой как пешей, так и возчиками с лошадьми. Кроме того, «рабочим сезонникам в начале лесозаготовительного сезона приходилось ходить ежедневно пешком на работу за 10–12 км, теряя до 50% времени на ходьбу» [7, Л. 58].

Зачастую на предприятиях лесной отрасли не хватало не только рабочих, но и руководящих работников. Трест «Тюменьлес» уделял недостаточно внимания леспромхозам округа, поэтому многие леспромхозы продолжительное время функционировали без директоров. Например, «в Ханты-Мансийский и Урманский леспромхозы директора прибыли в ноябре 1949 г., в Сургутский — в октябре, Березовский — феврале 1950 г., в Леушинском до сих пор нет директора (апрель 1950 г.)» [8, Л. 65].

Таким образом, на предприятиях округа остро ощущалась нехватка рабочих кадров, что приводило к распространению практики использования рабочих на разных работах и их периодической мобилизации для выполнения срочных работ, а также удлинению рабочего дня.

Работа в цеху

Значительное влияние на содержание повседневных практик рабочих оказывало дисциплинарное пространство ведомственного предприятия.

Одним из крупнейших предприятий округа являлся Самаровский консервный комбинат, который имел в своей структуре, кроме основных цехов (консервный и рыбообрабатывающий), и вспомогательные цеха: жестяно-баночный, энергоцех, паросиловое хозяйство, цех ширпотреба и механическую мастерскую.

Производственный цикл на предприятии начинался с рыбообрабатывающего цеха, который занимался приемкой сырья от рыбозаводов и его хранением в мороженом виде. Кроме того, цех выпускал готовую продукцию — мороженую, соленую, копченую рыбу и икру, а также заготавливал лед.

Важнейшим звеном производства являлся консервный цех, который был построен в 1930 году. В первые послевоенные годы здание цеха было настолько ветхим, что периодический текущий ремонт отдельных частей здания не мог решить проблему: «Отдельные участки стен прогнили, сквозь них подтекает ливневая вода. На 60% помещения потолочный утепленный настил прогнил и обвалился, в результате сейчас в ряде помещений (рыбо-разделка) осталась лишь потолочная тесовая подшивка, через которую беспрепятственно уходит тепло, а в отштукатуренных помещениях осыпается потолок. Оконные рамы перекошились и прогнили, в щели задувает снег и пыль. Штукатурка стен осыпается. В окнах

выбитые стекла заменены картоном и фанерой. Электропроводка пришла в полную ветхость» [14, Л. 23].

Работа жестяно-баночного цеха начиналась с приема жести из центрального склада, затем производился выпуск банко-тары, из которой большая часть подавалась в консервный цех. Кроме того, из-за постоянной нехватки металла цеховым рабочим приходилось заниматься восстановлением старой жести. Вспомогательные рабочие цеха ширпотреба изготавливали инвентарь для всех цехов комбината, а также производили изделия домашнего обихода. Энергоцех обеспечивал комбинат электроэнергией, паром, водой, освещением. Механическая мастерская производила ремонт оборудования и инвентаря цехов, рабочие мастерской самостоятельно изготавливали запчасти для обеспечения бесперебойной работы комбината. Рабочие подсобного цеха занимались заготовкой и сплавом дров для снабжения цехов [15, Л. 2-3].

Таким образом, особенность советских предприятий состояла в том, что они старались не зависеть от смежников, поэтому на предприятиях помимо деятельности основных цехов, важной работой занимались вспомогательные цеха, именно они обеспечивали исправную работу основных цехов, снабжая их паром, запчастями, инвентарем и даже собственной жестью для производства консервов.

В первые послевоенные годы на Самаровском комбинате наблюдалось катастрофическое положение с освещением цехов, ввиду изношенности электрооборудования и самих электростанций, размещавшихся в приспособленных зданиях [2, С. 218].

Руководством комбината принимались всевозможные меры для приобретения лампочек вплоть до покупки у населения по рыночной цене и мобилизации излишков, поэтому работа в большинстве помещений проходила в полумраке. Кроме того, из-за неисправности вентиляции в соусном и обжарочном помещениях, люди были вынуждены работать в тяжелых температурных условиях при насыщенности парами и чадом [14, Л. 24].

Большая изношенность паросилового оборудования котельной приводила к тому, что не все цеха обеспечивались паром: «бывают часто случаи, когда некоторые цеха снабжаются не по полной мощности или вообще на некоторое время перекрываются» [13, Л. 12].

Особенность работы паросилового оборудования заключалась в том, что подогрев производился дровами, а не электричеством. Весьма часто на комбинате отсутствовали сухие дрова: «Комбинат, не имея запаса дров, вынужден направлять в паросиловую дрова сразу же после выкатывания из воды или с корня. Процент влажности доходит до 40-70%, что приводит к перерасходу дров» [16, Л. 4].

Еще одним крупным предприятием округа являлся Сургутский рыбконсервный завод, который в послевоенные годы также находился в ветхом состоянии: «Рыбозавод наш представлял собой убогое предприятие. Деревянные здания покосились. Консервный цех стоял, благодаря 280 подпоркам, а склад готовой продукции удерживался на берегу Оби лишь потому, что его опоясывали металлические канаты» [2, С. 216].

Во второй половине 1950-х годов началась реконструкция завода. По воспоминаниям Тверетиной Анны Григорьевны: «строили хозспособом. Работали сутками. Идеей обновления родного завода были заражены все без исключения, поэтому трудились вдохновенно» [2, С. 216-217].

Только к середине 1960-х гг. на заводе заработал новый консервный цех: «Светлое, просторное здание со складом готовой продукции и жиромучным отделением» [2, С. 219]. В 1964-1966 гг. были запущены в эксплуатацию жестяно-баночное отделение, склад горюче-смазочных материалов, гараж, отделение регенерации улова, упаковочное отделение, склад готовой продукции. В 1967-1970 гг. были построены и пущены в эксплуатацию производственная котельная, цех горячего копчения, холодильник с копильным и маринадным отделением, компрессорная станция, центральный складские помещения. С 1963 г. энерге-

тические установки вырабатывающие электроэнергию появились на каждом рыбоучастке завода.

Таким образом, для производственных цехов предприятий была характерна крайняя степень изношенности, как самих зданий, так и располагавшегося в них производственного оборудования. Новые здания были построены только ко второй половине 1960-х годов. Для выполнения производственных планов предприятиям приходилось содержать большое количество вспомогательных рабочих, которые занимались непрофильной деятельностью: изготовлением жести и запчастей, заготовкой дров и льда.

Вопрос сырья

Организация работы рабочих рыбозаводов во многом зависела от оперативного поступления сырья. Министерством рыбной промышленности была разработана специальная инструкция, согласно которой у каждой ловецкой бригады, звена или ловца должна была быть отдельная лодка для приема и перевозки рыбы. Лодка должна была закрываться плотной, обитой матом из соломы или мешковины с сеном, опилочными или другими изоляционным материалом для того, чтобы рыба не прогревалась. Место для перевозки рыбы должно было содержаться в чистоте, после каждой разгрузки в приемной пункте тщательно очищаться, мыться и дезинфицироваться 2% раствором хлорной извести. Выловленную рыбу следовало раскладывать на мелкодробленый лед ровным слоем не толще 10 см и сверху засыпать 5 см слоем льда, образующуюся от таяния льда воду следовало вычерпывать черпаком. При отсутствии льда, рыба не позднее чем через 8 часов в холодное время и через 4 часа в жаркое время должна была быть сдана в приемный пункт, а до этого времени ее следовало укрывать влажной травой и хранить в затененном месте. Если по каким-то причинам, не зависящим от ловца, рыба не могла быть сдана в срок, то ее необходимо было засолить с соблюдением всех правил посола, либо хранить в садках в живом виде [17, Л. 16].

Но реалии ежедневной работы приводили к тому, что инструкции невозможно было выполнить. Во-первых, из-за недоступности части глубинных пунктов, отсутствия соли и тары, нехватки флота, рыбаки вынуждены были оставлять рыбу на местах лова.

В некоторые рыбоугодья округа можно было добраться только весной или зимой на санях: «Ежегодно остается продукция на р. Конде, так как в районе Карыма река узкая и на протяжении 150 км имеется 11 завалов. Здесь она проходима только весной на малых лодках. До пункта Шумилы нужно идти 25 км по болоту или плыть на плоскодонках 180 км по извилистому ручью в 1 м шириной» [17, Л. 1а].

Реальные практики производственной повседневности приводили к тому, что рыбоприемные пункты являющиеся началом производства и играющие основную роль в работе комбината, были плохо технически оснащены и не приспособлены для приемки и хранения сырца, что приводило к снижению его сортности. Большая часть рыбоприемных пунктов находилась в исключительно антисанитарном состоянии.

Хранение рыбы производилось без соблюдения технологических правил либо в непригодных складских помещениях, либо в тех же помещениях, где производилась обработка рыбы-сырца, хранилась соль и инвентарь [7, Л. 77]. Вследствие этого часть поступающего сырца была не пригодна для выпуска консервов. «Были такие случаи, когда из всей принятой рыбы в отдельные дни можно было направить только 40% на консервы» [13, Л. 9об].

Неравномерная поставка сырья (массовыми партиями) приводили к простоям, как отдельных цехов, так и всего комбината. К примеру, из-за отсутствия сырца консервный цех Самаровского консервного комбината в третьем квартале 1950 г. простоял 26 рабочих дней [14, Л. 18]. Простой возникали и по причине неисправности оборудования: «изношенность двигателя заставляла в обязательном порядке вводить часовую остановку, что срывало последовательность загрузки автоклавов и снижало суточный выпуск консервов» [14, Л. 20].

Наверстывание упущенного времени требовало в последующем работы с перегрузкой — штурмовщины, что вызывало ряд нежелательных явлений — отмену выходных, сверхурочные: «В некоторые месяцы цеху приходилось работать без выходных дней при 11-часовом рабочем дне. Круглосуточная работа не давала возможности делать перерывы в работе для текущей и генеральной уборки, что нарушало санитарный режим и санитарное состояние цеха, не позволяло рабочему сменять халаты в нужное время, они зашивались и теряли срок носки» [14, Л. 23].

Вторым фактором, влиявшим на повседневные трудовые практики рабочих, являлись особенности транспортировки рыбы. Флот на предприятиях был несамоходный (плашкоуты, изотермические суда, мелкий гребной флот) и самоходный (мотокатера, мотолодки, парокатера, газоходы). 35% несамоходного флота прослужило более 10 лет и по 3–5 раз капитально ремонтировалось [9, Л. 5].

Рыбозаводской сырец доставлялся навалом в изотермических плашкоутах, отчасти даже не приспособленных для перевозки рыбы. Пришедший плашкоут по инструкции должен быть разобран в течение 24 часов, но на Самаровском консервном комбинате в период напряженных месяцев суда могли простаивать под разгрузкой по 5–7 дней, в результате чего рыба оттаивала и теряла свою сортность.

Таким образом, выполнение ведомственных инструкций входило в противоречие с реальными практиками производственной деятельности рабочих по причине проблем с организацией добычи сырья, ее хранения и транспортировки.

Рабочие и техника

Труд рабочих в послевоенные годы по большей части оставался ручным, особенно погрузо-разгрузочные работы. В частности на Самаровском комбинате немеханизованная выгрузка рыбы происходила по причине отсутствия причальной линии для приема судов с рыбой.

С середины 1950-х гг. на предприятиях округа постепенно начинает внедряться механизация: «В 1953 г. получено и введено в эксплуатацию на Самаровском консервном комбинате две передвижные дизельгенераторные установки мощностью 24 квт, одна — 15 квт., 3 автоклава взамен списанных, перцемолка, освоены воздушные тестера для проверки герметичности банки, изготовлена паяльная ванна корпусообразующей машины, освоен двухсторонний упорный станок в бондарном цехе [10, Л. 17].

Во второй половине 1960-х гг. на Сургутском рыбоконсервном заводе были внедрены в консервном производстве плавникорезки, головоотсекающие машины, оборудование соусного и подготовительного отделений, панировочная машина. На первом этаже жестяно-баночного цеха в 1965 г. была установлена линия для сборной банки «Нагема» (ГДР) предназначенная для работы на лакированной жести. Во втором жестяно-баночном цехе в 1966 г. была установлена лакировочная машина Выборгского завода для лакировки внутренней поверхности банок. В разделочном, обжарочном, расфасовочном, соусном, автоклавном отделении все процессы были механизированы» [2, С. 219].

Труд лесозаготовителей также являлся ручным и маломеханизованным: «Работали вручную поперечными и лучковыми пилами [8, Л. 11]. Перевозка леса в первые послевоенные годы осуществлялась гужевым транспортом. Нередко сезонные лошади не обеспечивались подсанками и санями и вынуждены были простаивать ежедневно от 5 до 20 часов [8, Л. 21об].

С 1950-х гг. леспромхозы стали получать большое количество техники (тракторы К-12, электростанции, трехбарабанные лебедки, лесовозные автомашины и бензопилы «Дружба»), внедряя бригадный способ заготовки древесины с использованием поточного метода. В первое время новая техника использовалась крайне плохо. Например, в Ханты-Мансийском

леспромхозе из 20 лесовозных автомашин в 1950 г. работало 3–6, из 15 тракторов — 3–5, из 2 электростанций — 1. Заготовка леса электропилами выполнялась в 1949 г. по леспромхозу на 24%, вывозка автомашинами — 23%, подвозка леса тракторами — 17%. Основная причина была связана с не обеспеченностью кадрами шоферов, трактористов, электромехаников и лебедчиков [8, Л. 13].

С начала 1960-х гг. преобладающей технологией на лесозаготовках стала работа с применением укрупненных комплексных бригад, многосменного режима на всех фазах лесозаготовок и вахтового метода, одиночная валка леса, трелевка и вывозка леса с необрубленной кроной, крупнопакетная погрузка леса. К 1965 г. все трудоемкие работы на предприятиях были полностью механизированы: валка леса производилась электрическими и бензомоторными пилами, вывозка леса — тракторами и автомашинами.

По воспоминаниям водителя лесовоза Плотникова Юрия Александровича: «В 1965 г. получил новую машину ЗИЛ-157. Работы было много, возили лес за 30–40 км к речке на сплав. Лес возили большими темпами. Работали по 2–3 смены. Ели на ходу, чтобы на погрузке не стоять. Сами оборудовали машины для вывозки леса. Одним из первых сделал к машине металлическую площадку, лес стало возить удобнее, качество и объемы вывозимой древесины намного увеличились. В нашем экипаже было 3 человека. Работали без выходных. Сломается машина, на ремонт выходили вместе для того, чтобы быстрее устранить неполадки и снова приступить к работе. Работа шла круглыми сутками, мы сменяли друг друга, не останавливая работу ни днем, ни ночью» [3, С. 279]

Таким образом, в послевоенные годы труд рабочих оставался преимущественно ручным и немеханизированным, только со второй половины 1950-х гг. повседневные практики рабочих были связаны с освоением новой техники, что значительно повысило уровень механизации выполняемых работ.

Для производственного оборудования предприятий рыбной отрасли была характерна крайняя степень изношенности, так как большая часть его была установлена еще в 1930-е годы. Постоянная нехватка запасных частей заставляла рабочих производить ремонт оборудования на месте имеющимися подсобными средствами, что негативно отражалось на работе таких точных и сложных машин как закатка.

Кроме того, неоперативное снабжение предприятий инструментами со стороны ведомства, вынуждало рабочих заниматься их изготовлением на местах. К примеру, основным инструментом в работе разделывающей рыбы являлся нож, но ножи Самаровский рыбокомбинат изготавливал сам из непригодной для этой цели стали. Из-за этого ножи быстро тупели и изнашивались, снижая производительность труда. Остальной инвентарь (ведра, банки для соуса, противни, ковши, черпаки и ящики) также мастерился на месте из остатков бракованной жести. Работая на восстановленной жести, жестянобаночный цех снабжал консервный цех банко-тарой разной толщины, что впоследствии приводило к выпуску не вполне герметичных банок.

В повседневной практике лесозаготовителей также ощущалась нехватка инструментов и материалов, например, наждаков для точки циркулярных пил, гвоздей, горючего для работы тракторов и электростанций, запасных частей к электростанциям, автомашинам, тракторам [8, Л. 15].

Таким образом, на предприятиях округа в послевоенные годы сохранялся ручной малопродуктивный труд, особенно немеханизированными оставались погрузо-разгрузочные работы. Внедрение новой техники происходило медленно, только к концу исследуемого периода уровень механизации работ значительно увеличился. Ведомства не обеспечивали в должной мере предприятия округа необходимыми инструментами и приспособлениями, тем самым вынуждая рабочих приспосабливаться к существующим условиям и производить многие необходимые предметы производства кустарным способом.

Рабочие и окружающая среда

На ведомственные интересы рыбной отрасли отрицательно влияла бессистемная работа предприятий лесной промышленности. В частности молевой сплав древесины, засорение нерестовых участков отходами продукции лесного хозяйства выводили из строя рыбохозяйственные угодья. К примеру, «в Сургутском районе бессистемная рубка леса по берегам рек и сплав необработанной древесины по промысловым речкам, протокам и сора́м, особенно там, где происходил нерест рыбы, существенно снижали хозяйственное значение водоемов. В 1960-е гг. молевой сплав на всей территории Ханты-Мансийского национального округа был запрещен, но негативные последствия от этого еще долго давали о себе знать» [6, С. 21].

С началом освоения нефтегазовых месторождений был нарушен природный баланс в округе, приведший к загрязнению водоемов нефтью и нефтепродуктами, что снижало естественное воспроизводство рыбы и, соответственно, ее добычу и негативно сказалось на развитии рыбной отрасли в целом. Для лесной промышленности активные геологоразыскные мероприятия, наоборот, способствовали ее развитию: «Древесина была востребована нефтяниками для строительства кустовых оснований для бурения скважин, прокладки подъездных путей и дорог к промыслам по всему Среднему Приобью» [4, С. 45]. Для освоения больших лесных запасов Советского, Октябрьского и Кондинского районов в 1960–1967 гг. были построены две железные дороги: Тавда — Сотник и Ивдель — Обь. Вдоль строящихся дорог было образовано 12 лесозаготовительных предприятий.

Таким образом, местом столкновения ведомственных интересов становились водные артерии округа, которые для рыбной отрасли являлись источником сырья, а для лесной — способом сплава леса. Открытие нефти в округе оказало отрицательное воздействие на развитие рыбной отрасли, а для лесной промышленности наоборот дало толчок к освоению новых территорий и строительству леспромхозов.

Рабочие и социальная сфера

В фокусе советских предприятий находилась и социальная сфера. Профильные ведомства снабжали рабочих спецодеждой и обувью, которой из года в год не хватало. Плохое снабжение со стороны ведомства одеждой и обувью приводило к тому, что подавляющая масса рабочих была вынуждена донашивать обувь до отказа, а зачастую и работать босыми: «Вся партии деревянной и так называемой комбинированной обуви с резиновой подошвой была настолько не пригодна, что на 3–5 день развалилась и в результате работы вынуждены были работать босыми, больше спецобуви не имеется, а современной обуви подавляющая масса рабочих не имеет» [14, Л. 23]. На лесочастках не организовывались мастерские по ремонту обуви вследствие чего, часть рабочих не выходила на работу, занимаясь ее починкой [8, Л. 14об]. Важной составляющей производственных реалий являлось снабжение рабочих продовольствием. Снабжение рабочих рыбной промышленности осуществлялось по линии Окрыболовпотребсоюза, который объединял 6 райрыболовпотребсоюзов (41 рыбкооп), 1 горрыбкооп [10, Л. 75].

Торговля товарами осуществлялась через стационарные магазины, палатки и разъездные ларьки. Наиболее дефицитными товарами являлись крупа, табак, спички, хлеб, сахар, мыло, масло животное, макаронные, рисовые изделия, яичный порошок, сухое молоко [10, Л. 77]. Нередко магазины закрывались на месяц и более из-за отсутствия ассортимента товаров потребителями. Торговля на лесопунктах промышленными и продовольственными товарами организовывалась плохо. В самую горячую пору лесозаготовок в магазинах не было мяса, жиров, консервов, кондитерских изделий, дешевых папирос.

Отделы рабочего снабжения не обеспечивали должного снабжения рабочих на лесозаготовках. Продукты иногда продавались некачественные, так как значительная часть товаров из-за отсутствия надлежащих условий хранения подвергается порче. К примеру,

«в Октябрьском лесоучастке из-за отсутствия складов товары выгружались на берег и лежали под открытым небом» [30]. На части лесоучастков торговля осуществлялась в необорудованных помещениях и даже землянках.

При отсутствии многих товаров в торговой сети необходимой частью повседневности рабочих являлось посещение учреждений общественного питания. В путинное время в некоторых столовых устанавливалось трехкратное питание для стахановцев, выделялись особые столы с усиленным питанием. Всем работникам предоставлялось дополнительное питание за счет выдачи рыбы, отходов от консервного производства, консервов, овощей, молока и прочих продуктов [16, Л. 6об].

Ассортимент блюд в столовой Самаровского консервного комбината был следующий: мясные 7,7%, рыбные 53,5%, овощные 26,3%, чай 12,2%. Стоимость питания одного дня по плану составляла 5,36 рубля, а фактически доходила до 7,19 рублей [13, Л. 13об]. Ввиду высоких цен в столовой, ограниченности ассортимента блюд и их низкого вкусового качества, спрос на услуги столовой со стороны рабочих был невысоким.

Организация питания на лесоучастках вызывала немало нареканий со стороны рабочих, на что неоднократно обращалось внимание на страницах местных газет: «В столовых холодно и грязно, обеды готовятся невкусные. На всех участках пропускная способность столовых не соответствует количеству рабочих. В столовой каждый день готовятся одни и те же блюда: суп из недоваренного картофеля и гуляш из недоброкачественного мяса» [1]; «Помещение столовой маленькое, в нем может разместиться только 10 человек. Имеется лишь 15 тарелок, 4 вилки, 11 чайных ложек. Суп черпают чайной ложкой. Нет кастрюль для варки каши. Имеется один ковшик и тот ржавый. Блюда дорогие. Например, порция жареного язя стоит 2 рубля 70 копеек» [30]. На некоторых участках питание вовсе не организовывалось и каждому рабочему приходилось готовить самостоятельно.

Поэтому одной из стратегий выживания для рабочих становилось содержание подсобного хозяйства. На 1 января 1947 г. в рыбтресте имелся совхоз (село Реполово Самаровского района), 18 подсобных хозяйств, в которых содержалось около 1200 лошадей, 1100 голов крупного рогатого скота, в том числе 430 коров, 140 свиней, 58 оленей [9, Л. 7об].

Таким образом, ведомственное снабжение рабочих спецодеждой и обувью не отвечало запросам работников. Организация торговли и общественного питания не удовлетворяла всех потребностей рабочих, поэтому у рыбозаводов были собственные подсобные хозяйства. Отличительной особенностью рабочих-рыбников являлась возможность получения отходов рыбного производства.

Жилищная проблема

В повседневные практики рабочих включаются аспекты, связанные с жизнедеятельностью вне рабочего пространства, в частности, в условиях домашнего быта.

Патернализм со стороны предприятия наблюдался в предоставлении ведомственного жилья. В первые послевоенные годы жилищный фонд предприятий рыбной промышленности был представлен бараками и общежитиями барачного типа. Систематического ремонта жилья на протяжении многих лет не производилось, поэтому оно пришло в ветхость и стало почти непригодным для проживания. В среднем на одного человека приходится 3,45 кв. метров, поэтому в бараках наблюдалась скученность. В помещениях отсутствовали места для сушки обуви и одежды, что вынуждало рабочих производить сушку в жилых местах. Во многих домах были одинарные окна, не хватало столов и табуретов, топчанов, что вынуждало рабочих спать на полу.

Нехватка жилья наблюдалась на протяжении всего исследуемого периода: «Обеспеченность жилой площадью на одного проживающего по предприятиям рыбной промышленности на ряде заводов и рыбоучастков составляет только 2-3 кв.метра» [21, С. 245].

Рыбакам на местах лова приходилось жить под лодками, в шалашах и в лучшем случае в избушках без полов, потолков и окон. Баня работала нерегулярно в течение года из-за отсутствия достаточного количества дров [15, Л. 11], поэтому рабочие могли не мыться по два месяца.

Привлекательным на лесозаготовки сезонным рабочим приходилось проживать на местах лесозаготовок в бараках, в которых наблюдалась «большая скученность рабочих, грязно, темно, холодно, постельными принадлежностями сезонные рабочие полностью не обеспечены, не оборудованы сушилки для просушки одежды и обуви, бараки освещаются керосиновыми лампами, которые в большинстве своем совсем без стекол. Бараки не обеспечены баками для питьевой воды, нет необходимого количества медикаментов, отсутствуют аптечки. Вместо железных коек и топчанов построены деревянные нары в один и два яруса» [8, Л. 11]. Во всех жилых помещениях не хватало столов, стульев, табуретов, тумбочек, требовалось утепление дверей и рам, устройство печей [19, Л. 112].

Нередко женатые рабочие и холостые проживали в одном бараке [19, Л. 306]. На отдельных лесозаготовках для семейных рабочих выделялась часть барака, которую досками разделяли на отдельные комнаты, как на Бобровском лесозаготовке Ханты-Мансийского леспромхоза [24].

Санитарное состояние бараков было крайне неудовлетворительным: «как правило общие коридоры в бараках никогда не промываются, потолки и стены бараков задымлены, помой и отходы выливаются вблизи бараков и жилых домов прямо на улицах, помоек нет, хуже того у всех 5 бараков нет ни одной уборной» [19, Л. 294]. Антисанитария приводила к распространению клопов, блох и вшей [20, Л. 1]. К концу 1960-х гг. на ряде лесозаготовок в комнатах продолжало проживать по 4–5 человек при наличии 2–3 тумбочек и табуреток [11, Л. 16].

По вечерам довольно часто рабочие вынуждены были сидеть в бараках без освещения. Клубы зачастую не работали из-за нехватки дров: «в помещении стоит невыносимый холод. В клубе нет мебели. Купленные для библиотеки 1000 экземпляров книг политической и художественной литературы закрыты в шкаф и читателям не выдаются» [22].

Таким образом, жилищные условия рабочих округа продолжали оставаться тяжелыми, в жилых помещениях барачного типа наблюдалась перенаселенность и антисанитария, не хватало предметов домашнего быта и интерьера.

Рабочие и трудовой режим

Власть формирует повседневность человеческой жизни и человеческого восприятия через прописанные права и обязанности. Реализация властного дискурса во многом определялась ведомственной принадлежностью предприятия, так как все сферы деятельности рабочих, так или иначе были связаны с коллективом, а предприятие становилось «вторым домом».

В пространстве ведомственного предприятия смыкались язык власти и реалии повседневной жизни рабочих. С одной стороны рабочие были вынуждены следовать распоряжениям, идущим из руководящего ведомства, и поступать как все, выполняя поставленные задачи, с другой стороны существующая реальность требовала выработки особых стратегий поведения, когда некоторые акторы уходили в сторону, проявляя своеволие, а нередко и сопротивление правилам и требованиям ведомственного начальства.

Многогранность действий проявлялась с одной стороны в наличии рабочих выполняющих нормы и становящимися передовиками производства, о которых потом писали на страницах местных газет. С другой стороны в каждом коллективе находились люди, проявляющие противоположные формы поведения, связанные с нарушениями трудовой и технологической дисциплины. К примеру, «в 1946 г. на предприятиях рыбной промышленности округа

85% сдельщиков не выполняло нормы. В то же время имеются бригады, колхозы и суда, выполнившие план на 200–300% и получившие 16 всесоюзных премий» [9, Л. 5].

Распространенным явлением в рабочей среде являлись девиантные формы поведения, к которым относились опоздания, самовольный уход с работы, прогулы, преждевременные уходы с работы, бесцельное просиживание на работе. К примеру, в 1947 г. на Самаровском консервном комбинате было совершено 39 прогулов [16, Л. 7об], в 1948 г. — 21 прогул, из которых 8 самовольно ушли с производства. 21 дело было направлено для привлечения к уголовной ответственности [15, Л. 19].

Неоднократно в приказах директора Самаровского консервного комбината отмечалось, что «ни в одном цехе не действует доски табеля», поэтому директор приказывал ужесточить контроль за трудовой дисциплиной: вести ежедневный учет опоздавших, устанавливать причины невыхода на работу, вести журналы регистрации уходящих сотрудников по делам, обязательно отмечая, куда и на сколько отсучился сотрудник. Но в действительности приказы директора не выполнялись и нарушения трудового режима сохранялись. К концу исследуемого периода постепенно увеличивалось число нарушений связанных с пьянством. Так, 13 января 1960 г. электромонтер лесотарного цеха Самаровского рыбокомбината явился на смену в нетрезвом состоянии, за что от вахты был отстранен. Но будучи пьяным, домой не пошел, а залез на распределительный щит и обрезал провод электросети, нарушив тем самым технику безопасности [18, Л. 36]. За данный поступок рабочего следовало уволить, но директор комбината, учитывая просьбу коллектива лесотарного цеха, передал дело в товарищеский суд, который вынес ему лишь строгий выговор.

Среди рабочих лесной отрасли также наблюдались подобные формы поведения, связанные несвоевременным подъемом после сна, несвоевременным выходом на работу, уходом с работы раньше времени, плохой подготовкой инструмента/ топоров, цепей к электропилам [8, Л. 146].

За 1958 г. и 5 месяцев 1959 г. на Ханты-мансийском леспромхозе было уволено 182 человека, из них 107 — по собственному желанию. Увольнение по инициативе администрации происходило только в случае неоднократных нарушений трудовой дисциплины. К примеру, 10 ноября 1969 г. рабочий Майковкого лесоучастка не вышел на работу из-за пьянки, и так как ранее имел три выговора, то его уволили по 47 статье Кодекса законов о труде РСФСР [12, Л. 6].

Данные формы поведения приводили к повышенной текучести кадров среди предприятий округа, которая сохранялась на протяжении всего исследуемого периода. В 1954 г. на предприятия Треста «Ханты-Мансийсклес» прибыло по оргнабору 2125 человек, самовольно ушли и уволились 800 человек, в 1958 г. прибыло 1450 человек, уволилось по окончании срока договора 1223 человека [19, Л. 174]. Подобная тенденция сохранялась и в последующие годы, так в 1967 г. по Ханты-Мансийскому леспромхозу было принято 667 человек, а уволено 660 [11, Л. 17].

Таким образом, повседневные практики рабочих включали разные тактики и стратегии поведения. Ввиду острой нехватки рабочих кадров, руководство предприятий не применяло жестких наказаний к нарушителям трудовой и производственной дисциплины.

ВЫВОДЫ. Обращение к изучению регионального контекста функционирования советских промышленных предприятий позволяет увидеть, что действия людей в рамках ведомственного пространства, кажущиеся на первый взгляд рутинными, имели разные вариации. Рабочие предприятий лесной и рыбной промышленности округа в ходе своей ежедневной практической деятельности, направленной на освоение окружающего пространства, формируемого под влиянием ведомственных установок, становились акторами, которые демонстрировали различные, редко однозначные тактики и стратегии поведения, имея возможность отстаивать свою автономию на рабочем месте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А. Улучшить работу ОРСов леспромхозов // Сталинская трибуна. 20 января 1951. С. 2.
2. Воспоминания Тверетиной Анны Григорьевны. Летопись сургутского рыбокомбината // Черный мыс. Место памяти: сборник статей и воспоминаний. Сургут, Издательско-полиграфический комплекс, 2020. С. 198–233.
3. Воспоминания Плотникова Юрия Александровича // Моя судьба в истории Югры: сборник документов. Тюмень: ОАО Тюменский дом печати, 2005. С. 273–279.
4. Воспоминания Евтихова Николая Дмитриевича // Труженики лесного цеха. Сургутский леспромхоз. / ГООО «Старожилы Сургута»; отв. За выпуск Р.Г. Уланова. сост и авт. текстов А.О. Давыдова. Сургут; Омск: Омскбланкиздат, 2014. С. 44–45.
5. Высотский О. Сделать леспромхозы крупными предприятиями // Ленинская правда. 7 мая 1957. С. 2.
6. Гололобов Е.И. Государственная политика по освоению биологических ресурсов Сургутского Приобья // Вестник Томского государственного университета. Серия. История. № 67. 2020. С. 19–25.
7. Государственный архив Югры. Ф. Р 1. Оп. 1. Д. 446.
8. Государственный архив Югры. Ф. Р 1. Оп. 1. Д. 397.
9. Государственный архив Югры. Ф. Р 1. Оп.1. Д. 293.
10. Государственный архив Югры. Ф. Р 6. Оп.1. Д. 141.
11. Государственный архив Югры. Ф. Р 58. Оп. 1. Д. 311.
12. Государственный архив Югры. Ф. Р 58. Оп. 1. Д. 326.
13. Государственный архив Югры.. Ф. Р 60. Оп. 1. Д. 75.
14. Государственный архив Югры. Ф. Р 60. Оп. 1. Д. 70.
15. Государственный архив Югры. Ф. Р 60. Оп. 1. Д. 83.
16. Государственный архив Югры. Ф. Р 60. Оп. 1. Д. 80.
17. Государственный архив Югры. Ф. Р 60. Оп. 1. Д. 84.
18. Государственный архив Югры. Ф. Р 60. Оп. 1. Д. 132.
19. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. П 107. Оп. 1. Д. 1828.
20. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. П 107. Оп. 1. Д. 1640.
21. Из истории промышленного развития Тюменской области (1917–1980 гг.): документы и материалы. Свердловск, 1988. 415 с.
22. Краснощеков А. Лесозаготовителям культурный отдых // Сталинская трибуна. 23 января 1951. С. 3.
23. Людке А. История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: РОССПЭН, 2010. 271 с.
24. Не беспокоятся о быте семейных рабочих // Сталинская трибуна. 30 января 1951. С. 3.
25. Отюцкий Г.П. Структура повседневности: методологические подходы российских исследователей // Система ценностей современного мира. № 38. 2014. С. 13–17.
26. Пушкарева Н.Л., Любичанковский С.В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы аналлов к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Т. 4. № 1. 2014. С. 7–21.
27. Серто Мишель де. Изобретение повседневности. Искусство делать. Санкт-Петербург: изд-во Европейского университета, 2013. 328 с.
28. Стась И.Н. Проблема ведомственного города в Западно-сибирском нефтегазовом комплексе // Индустриальное наследие России: междисциплинарные исследования, опыт сохранения, стратегии реновации: Сб. тезисов Всероссийской научной конференции, посвящённой 175-ле-

- тию Русского географического общества и 90-летию Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2020. С. 149–155.
29. Сухов Б. По хозяйски относиться к лесным богатствам // Ленинская правда. 9 мая 1961. С. 3.
30. Федоров Г. Больше заботы о лесозаготовителях // Сталинская трибуна. 21 января 1951. С. 3.

REFERENCE

1. Andreev A. *Uluchshit' rabotu ORSov lespromhozov* [To improve the work of ORSOV lespromkhozes] // *Stalinskaya tribuna*. 20 yanvarya 1951. S. 2. (In Russian).
2. *Vospominaniya Tveretinoj Anny Grigor'evny. Letopis' surgutskogo rybokombinata* [Memories of Anna Grigoryevna Tveretina. Chronicle of the Surgut fish processing plant] // *СНерный мьс. Место памьати: sbornik statej i vospominanij*. Surgut, Izdatel'sko-poligraficheskiy kompleks, 2020. S. 198–233. (In Russian). (In Russian).
3. *Vospominaniya Plotnikova YUriya Aleksandrovicha* [Memories of Plotnikov Yuri Alexandrovich] // *Moya sud'ba v istorii YUgry: sbornik dokumentov*. Tyumen': OAO Tyumenskiy dom pečhati, 2005. S. 273–279. (In Russian).
4. *Vospominaniya Evtihova Nikolaya Dmitrievicha* [Memoirs of Evtikhov Nikolay Dmitrievich] // *Truzheniki lesnogo cekha. Surgutskij lespromhoz. / GOOO «Starozhily Surguta»; otv. Za vypusk R.G. Ulanova. sost i avt. tekstov A.O. Davydova*. Surgut; Omsk: Omskblankizdat, 2014. S. 44–45. (In Russian).
5. Vysotskiy O. *Sdelat' lespromhozy krupnymi predpriyatiyami* [Make forestry enterprises large enterprises] // *Leninskaya pravda*. 7 maya 1957. S. 2. (In Russian).
6. Gololobov E.I. *Gosudarstvennaya politika po osvoeniyu biologicheskikh resursov Surgutskogo Priob'ya* [State policy on the development of biological resources of the Surgut Ob region] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya. Istoriya*. № 67. 2020. S. 19–25. (In Russian).
7. *Gosudarstvennyj arhiv YUgry* [The State Archive of Ugra]. F. R 1. Op. 1. D. 446. (In Russian).
8. *Gosudarstvennyj arhiv YUgry* [The State Archive of Ugra]. F. R 1. Op. 1. D. 397. (In Russian).
9. *Gosudarstvennyj arhiv YUgry* [The State Archive of Ugra]. F. R 1. Op. 1. D. 293. (In Russian).
10. *Gosudarstvennyj arhiv YUgry* [The State Archive of Ugra]. F. R 6. Op. 1. D. 141. (In Russian).
11. *Gosudarstvennyj arhiv YUgry* [The State Archive of Ugra]. F. R 58. Op. 1. D. 311. (In Russian).
12. *Gosudarstvennyj arhiv YUgry* [The State Archive of Ugra]. F. R 58. Op. 1. D. 326. (In Russian).
13. *Gosudarstvennyj arhiv YUgry* [The State Archive of Ugra]. F. R 60. Op. 1. D. 75. (In Russian).
14. *Gosudarstvennyj arhiv YUgry* [The State Archive of Ugra]. F. R 60. Op. 1. D. 70. (In Russian).
15. *Gosudarstvennyj arhiv YUgry* [The State Archive of Ugra]. F. R 60. Op. 1. D. 83. (In Russian).
16. *Gosudarstvennyj arhiv YUgry* [The State Archive of Ugra]. F. R 60. Op. 1. D. 80. (In Russian).
17. *Gosudarstvennyj arhiv YUgry* [The State Archive of Ugra]. F. R 60. Op. 1. D. 84. (In Russian).
18. *Gosudarstvennyj arhiv YUgry* [The State Archive of Ugra]. F. R 60. Op. 1. D. 132. (In Russian).
19. *Gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii Tyumenskoj oblasti* [The State Archive of Socio-Political History of the Tyumen region]. F. P 107. Op. 1. D. 1828. (In Russian).
20. *Gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii Tyumenskoj oblasti* [The State Archive of Socio-Political History of the Tyumen region]. F. P 107. Op. 1. D. 1640. (In Russian).
21. *Iz istorii promyshlennogo razvitiya Tyumenskoj oblasti (1917–1980 gg.): dokumenty i materialy* [From the history of industrial development of the Tyumen region (1917–1980): documents and materials]. Sverdlovsk, 1988. 415 s. (In Russian).
22. Krasnoshchekov A. *Lesozagotovitel'ям kul'turnyj otdyh* [Cultural recreation for loggers] // *Stalinskaya tribuna*. 23 yanvarya 1951. S. 3. (In Russian).
23. Lyudke A. *Istoriya povsednevnosti v Germanii: novye podhody k izucheniyu truda, vojny i vlasti* [The History of Everyday Life in Germany: new approaches to the study of labor, war and power]. M.: ROSSPEN, 2010. 271 s. (In Russian).
24. *Ne bespokoyatsya o byte semejnyh rabochih* [Do not worry about the life of family workers] // *Stalinskaya tribuna*. 30 yanvarya 1951. S. 3. (In Russian).

25. Otyuckij G.P. *Struktura povsednevnosti: metodologicheskie podhody rossijskih issledovatelej* [The structure of everyday life: methodological approaches of Russian researchers] // *Sistema cennostej sovremennogo mira*. № 38. 2014. S. 13–17. (In Russian).
26. Pushkareva N.L., Lyubichankovskij S.V. *Ponimanie istorii povsednevnosti v sovremennom istoricheskoy issledovanii: ot shkoly anallov k rossijskoj filosofskoj shkole* [Understanding the History of Everyday Life in Modern Historical Research: from the Annals School to the Russian Philosophical School] // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. T. 4. № 1. 2014. S. 7–21. (In Russian).
27. Serto Mishel' de. *Izobretenie povsednevnosti. Iskusstvo delat'* [The invention of everyday life. The art of making]. Sankt-Peterburg: izd-vo Evropejskogo universiteta, 2013. 328 s. (In Russian).
28. Stas' I.N. *Problema vedomstvennogo goroda v Zapadno-sibirskom neftegazovom komplekse* [The problem of the departmental city in the West Siberian oil and gas complex] // *Industrial'noe nasledie Rossii: mezhdisciplinarnye issledovaniya, opyt sohraneniya, strategii renovacii: Sb. tezisov Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj 175-letiyu Russkogo geograficheskogo obshchestva i 90-letiyu Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga* — YUgry. Hanty-Mansijsk: YUgorskij format, 2020. S. 149–155. (In Russian).
29. Suhov B. *Po hozyajski odnosit'sya k lesnym bogatstvam* [To treat the forest riches in a masterly way] // *Leninskaya pravda*. 9 maya 1961. S. 3. (In Russian).
30. Fedorov G. *Bol'she zaboty o lesozagotovitel'nykh* [More concern for loggers] // *Stalinskaya tribuna*. 21 yanvarya 1951. S. 3. (In Russian).